

Памятникъ Александру П.

Цсковъ

Псков ГУБЕРНСКИЙ

Указ императрицы Екатерины II Об открытии Полоцкой и Псковской губерний

От 24 августа 1776 года

Повелеваем нынешнюю Псковскую губернию переименовать Полоцкою, и из ведомства ей Псковскую и Великолуцкую провинции исключить, и под именованьем Псковской губернии поручить в ведение правящего должность Нашего Тверского и Новгородского наместника генерала-поручика Сиверса, коего при том жалует в должность же и наместника Псковского. К сей новой губернии присоединить из Новгородской губернии Порховский и Гдовский уезды и те погосты, кои от вновь проложенной прямой дороги от Гатчинской мызы на Порхов по правую сторону останутся, и во Пскове учредить вместо провинциальной канцелярии губернскую, где и магистрат переименовать губернским; впрочем сию губернию править впредь до указа на прежнем основании.

Рапорт о получении из Правительствующего Сената изображения гербов городов Псковского наместничества

1781 года ноября 17-го дня по указу Ее Императорского Величества Псковское наместническое правление слушав полученный из Правительствующего Сената указ, при котором присланы высочайше подтвержденным Ее Императорским Величеством городам сего наместничества гербы, а именно Пскову, Острову, Опочке, Новоржеву, Великим Лукам, Торопцу, Холму, Порхову, Луге и Гдову и со описания оных гербов копии, ПРИКАЗАЛИ: о получении указа в Правительствующий Сенат рапортовать и присланные копии с указом Правительствующего Сената хранить при регистратуре к сведению и надлежащему исполнению срисовав с тех гербов, равно и со описания оных списав копии, препроводить оные гербы господам городничим при указах, равно со описания ж тех гербов копии к сведению разослать в палаты при сообщениях, в Совестной суд - при предложении, в прочие присутственные места - при указах.

(ГАПО, ф. 74, оп. 1, д. 63, л. 432)

Н.Л.Вершинина

М.П. Погодин: один день в Пскове

В 1865 г. в Пскове один день пробыл видный собиратель и исследователь славянских древностей, историк, прозаик, публицист, издатель «Москвитянина» и ряда других журналов, академик Михаил Петрович Погодин (1800-1875 гг.). Он возвращался из очередного заграничного путешествия и оказался в Пскове случайно (с точки зрения спланированного заранее маршрута), и в то же время закономерно, если иметь в виду его давний интерес к памятникам псковской старины. Псков всегда занимал немаловажное место в круге исследовательских интересов Погодина: еще в 1826 г. он напечатал в № 7 «Отечественных записок» статью «Нечто о роде великой княгини Ольги»; на литературном вечере 4 мая 1847 г. впервые представил выдержки из древнерусской истории, среди которых был отрывок «Великая княгиня Ольга». Особой заслу-

Вершинина Наталья Леонидовна - доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой литературы Псковского пединститута им. С.М.Кирова

гой историка стала подготовка к печати «Псковской летописи, изданной на иждивение общества Истории и Древностей Российских при Московском университете» в 1837 г. Соответственно, посещение Пскова явилось для Погодина своего рода материализацией воображаемых образов и одновременно апробацией проработанных научных гипотез. По горячим следам он опубликовал в «Псковских губернских ведомостях» (1866, №50-51) очерк «Псков (из дорожных заметок)», выпущенный в виде оттиска по решению Псковского археологического общества в 1881 г.

Дата приезда Погодина в Псков устанавливается по косвенным данным. В начале псковских «заметок» он указывает некоторые детали своего маршрута и обстоятельства, побудившие его заехать в город: «Давно собирался я посетить Псков, но все как-то не удавалось. Псковский помещик, и вместе один из членов управления, Н.Н.В. [судя по Памятным книжкам Псковской губернии, надворный советник Н.Н. Вохин, заведовавший палатой государственных имуществ¹. – *Н.В.*], с которым я имел удовольствие познакомиться на дороге из Лозанны в Монтре, пристыдил за то издателя Псковской Летописи (1837 г.), и я решился на обратном пути из Швейцарии остановиться хоть на один день в древнем отечестве Св. Ольги. Из Варшавы предупредил я о том нового своего знакомого... в назначенный день он уже ожидал нас на станции железной дороги и взялся с особенною любезностию быть нашим переводителем».²

Погодин называет и число, запомнившееся ему потому, что «в этот день, 15-го октября, случился большой крестный ход, установленный в 1813 году, в память избавления от французов. Знаменитый образ Печерской Божией Матери возвращался в Печерский монастырь, сопровождаемый городскими святынями» (с.1). Указание на это традиционное событие, знаменательное для псковичей, содержится, например, в «Памятной книжке Псковской губернии на 1864 год». В «Хронологии

достопамятных Псковских событий» отмечено постановление, от которого эта традиция берет начало: «Об учреждении крестного хода из Псково-Печерского монастыря, с иконою Пресвятыя Богородицы в Псков, в воспоминание победы над Французами». Здесь же специально уточнено: «15 октября из Печерского подворья к Владычному кресту, для провозждения Печерских икон обратно в монастырь»³. Как записано в «Краткой летописи Псково-Печерского монастыря», 7 октября 1812 года «псковские граждане с принесенною из Печерского монастыря чудотворною иконою Успения Пресвятыя Богородицы сделали около города крестный ход и о том донесли 8 числа графу Витгенштейну, который в ответе своем от 16 октября уведомил граждан, что он за молитвами их того же числа под Полоцком, разбив совершенно неприятеля, взял на другой день штурмом и Полоцк»⁴. Это и послужило причиной учреждения крестного хода, который, «на свое счастье», наблюдал Погодин.

Несмотря на то, что до этого он уже совершил несколько заграничных путешествий, речь, очевидно, должна идти именно о поездке 1865 г.: в сентябре в Монтрё Погодин виделся с А.И.Герценом, о чем есть упоминание в его «Дорожных записках 1865 года» («Русский», 1867, № 9-10 от 10 (22) апреля 1867 г.) и Дневнике⁵. Когда Герцен переехал в Женеву, переписка между ними продолжалась. С.И. и М.П.Погодины по пути в Россию собирались заехать к Герцену в Женеву, однако изменили маршрут и уже 28 сентября 1865 года (по старому стилю) отправились из Монтрё на родину⁶.

15 октября Михаил Петрович увидел наконец Псков.

Написанный вскоре очерк об его однодневном пребывании в Пскове несет на себе печать особенного мировидения автора – путешественника, человека, ученого. В его, уже окончательно сложившейся, манере (до этого были тщательно описаны заграничные путешествия 1830-1850-х г.) получили завершённость самые характерные тенденции, присущие писательской индивидуальности Погодина. В 1840-е г. они подверглись язвительному осмеянию литературных и идеологических оппонентов (В.Г. Белинский, А.И.

Герцен, Н.А. Некрасов, В.Н. Майков) и уничижительному сочувствию единомышленников (А.А. Куник, Н.А. Мельгунов)⁷. В 1860-е г. слав наивности и косности, отмеченный современниками двадцатью годами прежде, обретает у него весомость внутренней содержательности и энциклопедической насыщенности. Псковский эпизод его «дорожных заметок» уже не подтверждает категоричного вывода Н.А. Некрасова в рецензии 1843 года относительно отрывка из книги Погодина «Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник, ч.1-4. М., 1844.»: «Этот отрывок состоит из множества лоскутков, без связи, как и все путевые записки г. Погодина»⁸. Очевидно, данный эпизод свидетельствует, скорее, о том, о чем вполне обоснованно указано в новейшей работе: «В неутомимой и необычайно обширной деятельности Погодина, многочисленных литературных и издательских предприятиях... проявилось причудливое сочетание романтического колорита его «энтузиастической» личности, представления о «предварительном» характере современной эпохи русского просвещения и неизбывное стремление повысить свой социальный статус... Вместе с тем исключительная широта фигур интересов, деятельности и знакомств превращают его в один из центральных кругов русской литературы и общественной жизни середины 19 века, а его архив – в своеобразную энциклопедию эпохи»⁹.

Эклектика, изначально присущая стилю Погодина¹⁰, теперь проникается органикой общего исторического видения. Историзм и составляет ту сквозную «призмочку» (Л.Н.Толстой), которая определяет для Погодина узнавание «своей» России, древней и современной. В этом смысле равнозначны бытовые сиюминутные подробности и непреходящие реалии псковской древности, запечатленные в памятниках, увиденных Погодиным. И «субъективная серьезность» отличает его манеру моралистических сентенций воспринимается теперь не как провоцирующая к пародированию в самих «конструкциях», а часто «и по сути»¹¹, но как естественный в своей человеческой открытости опыт и одновременно комментарий знатока, пытливого исследователя.

Рассказ Погодина о первом впечатле-

нии от Пскова отличается обстоятельностью и некоторой назидательностью: «Мы поместились на пригорке у моста через реку Великую, которая здесь имеет почтенную ширину. Противоположный берег покрыт был густыми толпами ожидавшего народа. Другая сплошная толпа валила по горе от Кремля к мосту. Это были: мещане, крестьяне, купцы, которые хранят еще по городам древние обычаи. Яркие цвета показывали, что большую часть толпы составляли женщины. Духовенство с образами едва сквозь все продиралось. Хоругвеносцы каждый шаг ступали с затруднением. Внизу произошла просто давка, потому что полицейские служители не пускали народ на мост, который, разумеется, мог легко провалиться под такую тяжесть. К ним подоспели на помощь вскоре солдаты со штыками и загородили совсем дорогу. Уже спустя много времени, когда архиерей прошел более половины моста, стража начала пропускать понемногу людей, которые и пустились бегом догонять шествие.

Странно, что у нас до сих пор ни духовному начальству, ни светскому нигде не приходит в голову заняться устройством крестных ходов и предотвратить многие неприятные, а иногда и опасные явления, при них случающиеся...» (с.1-2).

Очерк Погодина не принадлежит к информативно-ознакомительным, хотя и содержит много фактических наблюдений, ссылок на летописные и житийные источники, исторических комментариев. Все замечания относятся прежде всего к тому, что действительно волнует автора и чем он хотел бы поделиться с читателем: «Но что говорить о больших и многолюдных церемониях! В церквах-то у нас сколько еще бывает беспорядка, даже в Москве – например, в Вербное Воскресенье, при раздаче верб, в Крещенский сочельник перед водосвятною чашею, да и вообще при прикладывании ко кресту, при выходе из церкви» (с.2).

То, что отмечено «мимоходом», не менее важно для очеркиста, чем то, на чем он задерживается подолгу. «Мимоходом» сказано: «Церковные хоругви и прочие принадлежности показали мне очень бедными. Серая погода лишала праздник лучшего украшения». Древняя городская стена видится Погодину «ветшающей, но прекрасной», а

Троицкий собор поражает его «новизной», которая и разочаровывает как историка: «оказалось, что это здание совершенно новое, то есть принадлежащее ко времени Петра 1-го; но, вероятно, на древнем основании, что нужно было бы исследовать» (с.2-3).

Скрупулезность ученого сказывается и в том, что он пытается осмыслить «внешность» и внутреннее убранство собора как двуединство, приходя в итоге к грустным мыслям об утраченном Псковом величии: «Положение его на крутом берегу реки очень живописно. Собор виден со всех сторон издалека. Внутренность его очень бедна и возбуждает невольную грусть при мысли о древнем величии и богатстве Пскова. Непременно должны быть очень древние иконы, современные первым основаниям; но они повреждены, разумеется, подновителями. Может быть, найдется какая-нибудь возможность восстановить древность» (с.3).

Больше всего Погодина интересуют те, кто оставил след в истории Пскова: Великие князья Всеволод-Гавриил и Довмонт. К ним он проявляет интерес не только историка, но и человека, патриота, делая замечания такого характера: «Любопытно было бы добратся, чем Всеволод приобрел себе любовь и память во Пскове в такое короткое время» (с.3). В связи с описанием жизни «другого героя и любимца Пскова», князя Довмонта, Погодин приводит поговорку князя: «Братья – мужи Псковичи, кто стар, тот мне и отец, а кто молод, тот брат, постойм за святые церкви и свое отечество» (с.9-10). Добрым словом вспоминает автор и «третьего благодетеля Пскову, Николу Салоса, Юродивого, который своею смелостью избавил город от гнева Иоанного» (с.10). В «назидание и утешение местного народонаселения» Погодин предлагает собранные в его Древлехранилище «рукописи, озаглавленные Псковским патериком и заключающие разные сказания, относящиеся к Псковской области, - их очень много» (с.10).

Больше всего Погодин боится нововведений, способных погубить, к примеру, кремлевскую стену: «часть ее уже исправлена вместе с угольною башнею – но лучше б оставить ее без такого исправления. Намазанною густыми слоями известкою закрылись все следы древности, а как еще выбелят ее

мелом, то и прости-прощай, драгоценная старина! О, какой противный вид получила башня в сравнении с оставленной без исправления городской стеною! Неужели нельзя исправлять, не портя древнего вида, который всего дороже?» (с.11). Отмечена и пресловутая «желтая краска», которая, благодаря «Мертвым душам» Н.В. Гоголя, стала восприниматься как особенная примета губернских городов. «При въезде в этот двор [за Довмонтовой стеной. – *Н.В.*], - констатирует очеркист, - находится здание, построенное из плит славным Митрополитом Макарием, для его приезда в Псков. Теперь здесь помещается, говорят, ресторация. Лучше бы быть здесь музеем Псковских древностей. По наружности ничего не заметишь древнего: все покрыто желтою краскою...» (с.12).

Погодину в высшей степени свойственна «память воображения», которая, с одной стороны, помогает «очистить» памятник от позднейших наслоений («древнее бросается в глаза» – с.14), с другой – достроить мысленно, восстановить разрушенную временем панораму былого. Однако творческий процесс по воссозданию минувшего на основании сохранившихся «останков» неотделим в исследовательском «путешествии» Погодина от научной мотивации необходимости восстановления памятников церковной и гражданской архитектуры. «Церквей здесь много очень древних: все они перестроены, подновлены, - рассуждает Погодин, - но везде остались еще следы прежние, по которым наука может восстановить и остальное – стены, своды, столпы, окна, двери» (с.13).

Когда Погодин не находит материалов для дальнейшего продолжения своего познавательного экскурса по городу, он, нисколько не смущаясь, обращается к достоверным, на его взгляд, источникам – «для большего... оглашения подробностей» (с.15). Автор очерка опирается на труды псковских историков-краеведов и археологов – гр. М. Толстого, А. Князева, – видя в них залог настоящего бережного отношения к древностям. Он уповает на «науку», которая позволит со временем вернуть утраченное. Но, в

целом, его душа страдает от зрелища современного Пскова: «На пространной площади перед Кремлем, покрытой грязью, шаталось несколько бедных людей и торговалось около картофеля, капусты, яблоков, грибов. Бедный Псков! – подумал я, где твоя слава?» (с.12). Как и за тридцать лет до этого приехавший в Псков Ф.В.Булгарин, Погодин призывает художников запечатлеть «места, приснопамятные для Русских», «драгоценные останки»: «Был ли здесь Брюллов, задумавший написать осаду Пскова?» (с.13).

Возвращаясь в настоящее, Михаил Петрович объясняет, почему не мог осмотреть окрестности города: «Погода наступила ненастная; шел беспрестанно дождь, - и я отложил попечение посетить Печерский монастырь, пригород Изборск, с его крепкими стенами, земляным валом и Труворовым камнем, должен был отказаться от мысли помолиться на могиле Пушкина» (с.18). Жалеет он и о том, что «мог взглянуть на Гимназию только снаружи и не мог отыскать одного учителя, г. Дешко, который, во время оно, доставлял мне любопытные известия о Венгрии» (с.12).

Прошлое и настоящее неизменно пересекаются в сознании Погодина, причем настолько естественно, что скольжение во времени представляется читателю очерка чуть ли не самым естественным и весьма простым делом: «Любезный путеводитель [Н.Н.Вохин. – *Н.В.*] угостил нас прекрасным обедом в клубе с свежей рыбою, и, вместо десерта, подарил мне три монеты арабские, из числа найденных в имении его, близ Пскова. (Я оставил эти монеты у академика Куника, который уведомил меня после, что одна монета принадлежит к 749 году, другая прежде 850, а третья, обломок, к 742 г. Доказательство древней Псковской торговли)» (с.19). Древность для Погодина – живая, а пафос его очерка, несомненно, не утратил актуальности для сегодняшнего дня: «У нас есть много археологических обществ и есть даже комиссия; жаль, что все они, занимаясь книгами и рукописями, а теперь курганами, не обратят внимания на прочие *живые останки*» (с.13. Курсив мой. – *Н.В.*).

Примечания

1. См.: *Киселев Ю.Н.* Родословное древо псковских помещиков Вохиных. // Труды Псковского музея-заповедника. Вып.1. Псков, 1994. С.17.
2. *Погодин М.П.* Псков (из дорожных заметок): Приложение к протоколу IV-го (обыкновенного) общего собрания Псковского археологического общества 12 февраля 1881 года. Псков, 1881. (Оттиск). С.1. В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием страницы в скобках.
3. Памятная книжка Псковской губернии на 1864 год. Отд. II. Псков, 1864. С.4,7.
4. О преславного чудесе...: Исторический очерк о Псково-Печерском Свято-Успенском монастыре в XX веке. Псков, 1999. С.166.
5. См.: *Летопись жизни и творчества А.И.Герцена.* Июль 1864-1867. М.: Наука, 1987. С.176-185.
6. Там же. С.184-185.
7. См.: *Мостовская Н.Н.* Об одной пародии у Герцена и Некрасова. // Некрасовский сборник. X. М.: Наука, 1988. С.102.
8. *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч.: В 15 тт. Л. (СПб): Наука, 1981-2000. Т.11(1).С.119.
9. *Рогов К.Ю., Погодин М.П.* // Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь. Т.4. М., 1999. С.671.
10. Подобной эклектикой отмечены литературные эксперименты М.П. Погодина в области исторической драматургии. Его произведения в жанре «исторической хроники» («истории в лицах») стали результатом «колебания между историческим исследованием и трагедией». В свою очередь, «философия истории Гердера... , шеллингянские идеи и французская романтическая историография формируют теоретические воззрения Погодина...: заключенная в истории картина «мира нравственного», продолжающего «мир физический» и подчиненная сходным законам..., несет в себе черты божественного замысла, а различные исторические эпохи и нации представляют собой отдельные ступени его осуществления» (Рогов К.Ю. Погодин М.П. // Русские писатели... . С.665).
11. *Мостовская Н.Н.* Об одной пародии у Герцена и Некрасова... С.105.

**О пребывании наследника престола Александра Николаевича
в г. Пскове 6 марта 1840 г.**

Древний Псков торжествует наконец исполнение пламенного своего желания, постоянных надежд и ожиданий – оне сбылись! Он узрел в стенах своих наследника престола.

Его императорское высочество наследник цесаревич 6 числа сего месяца изволил осчастливить псковичей своим присутствием. В незабвенный день сей, жители увлеченные общим стремлением насладиться лицезрением Высокого Посетителя, еще с утра пришли в движение, а с полудня Троицкий собор, все улицы к нему ведущие, и загородное шоссе были наполнены народом; наконец в 4 ? по полудни соборный колокол возвестил о прибытии наследника в город.

Его высочество изволил прямо отправиться в Троицкий собор, где встречен был преосвященным Нафанаилом и г. военным губернатором г. Пскова и псковским гражданским губернатором при многочисленном стечении торжествующих жителей; по совершении молебствия приложился к мощам св. Гавриила и других почивающих там местных угодников; из собора его высочество цесаревич, сопровождаемый волнами ликующего народа, отправился в дом г. начальника губернии к обеденному столу. Здесь имели счастье представляться первые чины военные и гражданские и почетнейшее купечество, по древнему русскому обычаю с хлебом и солью; с каждым из них он изволил милостиво разговаривать.

В 6 ? часов его высочество выехал в дальнейший путь на г. Остров, щедро наградив бедных г. Пскова. Во все время пребывания в городе его высочества, жители толпились перед домом г. начальника губернии и по всем улицам в ожидании еще раз узреть надежду Отечества предмет нелицемерной своей преданности. В вечеру огни иллюминации в г. Пскове напоминали, о радостном событии дня.

В г. Остров его высочество прибыл в 9 ? вечера в дом уездного предводителя дворянства барона Фитингофа и был встречен прибывшим туда в то же время г. гражданским губернатором и хозяином дома, где имел ночлег. Весь город и самый дом были великолепно иллюминированы. Утром представлялись старшие чиновники и купечество; хозяин дома удостоился высочайшего счастья иметь его императорское высочество приемником новорожденного своего сына, а хозяйка получила драгоценный подарок от щедрот царственного гостя. В 7 часов утра его высочество в вожделенном здравии оставил город, а жители поспешили в собор с теплыми мольбами ко Всевышнему о благополучном путешествии виновника торжества...

Сие событие – общее торжество – пребывание наследника престола в стенах Пскова навсегда останется неизгладимо в душах счастливых псковичей; они видели того, которого Всевышний обрекает продлить благоденствие любезного нашего Отечества...

(«Прибавление к Псковским губернским ведомостям» № 11, 13 марта 1840 г.)

**О пребывании в г. Псковской губернии 10-11 мая 1840 г. императора
Николая I (станция Катержная, Кресты (г. Псков), г. Остров).**

Псковская губерния осчастливилась посещением Государя Императора, Государыни императрицы и Великой княжны Ольги Николаевны. 10 мая в полдень, на пути из С.-Петербурга в Варшаву, Их Императорские Величества и Ея Императорское Высочество прибыли на станцию Катержную, где имели обеденный стол; а в 5 часов вечера на станцию Кресты, отстоящую от Пскова в 5 верстах. Псков рано пришел в движение, и уже с 1-го часа дня шоссе к Крестам покрылось народом, кипевшим верно-подданническим желанием насладиться лицезрением высоких посетителей. В Крестах военный губернатор г. Пскова и Псковский гражданский губернатор подал Его Императорскому Величеству всеподданнейшее о состоянии губернии и г. Пскова рапорты и получил милостивое дозволение проводить Их Величества до Острова, куда Они изволили прибыть благополучно к 9 часам и провели ночь в доме тамошнего предводителя дворянства камер-юнкера барона Фитингофа. По выходе из экипажа Государь Император был встречен у караула, состоящего из роты принца Павла Мекленбургского полка, прибывшими в г. Остров: командиром отдельного гренадерского корпуса генералом от инфантерии Набоковым, начальником 2-1 гренадерской дивизии генералом-лейтенантом бароном Розеном и бригадным командиром генерал-майором Пухинским; а в доме Начальником губернии и хозяином. Государыня Императрица как в тот день, так и на следующее утро 11 числа удостоила принять супругу военного губернатора и хозяйку дома, пожаловав последней драгоценный бриллиантовый фермуар. К Государю Императору имели счастье представляться генералитет и граждане города с хлебом и солью. Собравшиеся при высочайшем проезде в Крестах и в Острове инфалиды и отставные солдаты получили от щедрот Монарших награждение. Вечером 10 числа г. Остров был иллюминирован. На следующий день в 8 ч. Утра державные гости изволили отправиться в дальнейший путь в вожделенном здравии.

(«Прибавление к Псковским губернским ведомостям», № 20, 15 мая 1840 г.)